

ПУБЛИКАЦИИ

А.В. Повечерова

Христиан Август Крузий и его этика

Повечерова Анастасия Владиславовна – студентка магистратуры. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119992, г. Москва, Ломоносовский просп., 27, к. 4.

ORCID: 0000-0001-7217-7399

e-mail: anastasiapovecherova@gmail.com

В силу огромного значения кантовской этики для развития всей западноевропейской философии актуален вопрос об истоках ее формирования. Ответ на данный вопрос необходимо искать во всей предшествующей Канту традиции теоретических и практических философских построений эпохи немецкого Просвещения. Христиан Август Крузий, один из ярких философов того времени, давно рассматривается исследователями как вероятный источник многих идей моральной философии, которые впоследствии будут характерны для Канта. Однако до сих пор существует крайне мало работ, посвященных творчеству этого мыслителя, и почти все они касаются его полемики с Христианом Вольфом вокруг закона достаточного основания. Самого Крузия также изучают лишь как одного из многих мыслителей немецкого Просвещения, практически не уделяя внимания его учению о морали. Незаслуженное забвение Крузия выражается в том числе и в отсутствии переводов его сочинений на русский язык. Статья представляет собой предисловие к переводу одной из глав из трактата «Руководство к разумной жизни» (1744); анализируются основные черты практической философии Крузия, выделяются общие аспекты крузианской и кантовской этик на основании анализа текстов обоих философов и сходства некоторых основных терминов, выражаются предположения по поводу влияния Крузия на Канта. Рассуждение выстраивается вокруг понятия добродетели, которое обоими философами понимается как центральное. Помимо этого, кратко раскрываются этапы формирования этики Крузия, указываются отличия подходов Канта, позволившие ему развить собственное моральное учение.

Ключевые слова: Хр.А. Крузий, этика, добродетель, мораль, немецкое Просвещение, И. Кант

Христиан Август Крузий (1715–1775) – видный мыслитель периода немецкого Просвещения. Он родился в Лойне (Саксония), получил образование в университете Лейпцига. Крузий был учеником А. Рюдигера (1673–1731) и А.Ф. Хоффмана (1703–1741), оппонентом философии Хр. Вольфа. Хотя Крузий был далеко не первым противником вольфианских идей, однако именно его аргументы оказались наиболее значительными для будущих мыслителей (см.: [Крыштоп, 2020, 180]). Критике вольфианского закона достаточного основания посвящен «Подробный трактат о правильном применении и ограничении так называемого закона достаточного или, лучше, детерминирующего основания» (1744), который отчасти повторяет и дополняет латинскую диссертацию Крузия. Предлагаемый Вольфом вариант этого закона, по мнению Крузия, подрывает мораль и религию, поскольку наличие естественной необходимости устраняет свободу воли Бога.

В числе других важных сочинений Крузия следует назвать «Приложение к вопросу о том, в чем состоит истинное величие человека?» (1757), «Философская диссертация о развращенном рассудке, зависящем от воли» (1740), «Набросок необходимых истин разума, как они противопоставляются случайным» (1745), «Путь к надежности и достоверности человеческого познания» (1747). Главным богословским трудом мыслителя считается «Краткое понятие моральной теологии, или разъяснение практического учения христианства» (1772). Важнейшим сочинением по практической философии является «Руководство к разумной жизни» (1744). Данное исследование представляет собой предисловие к переводу первой главы из раздела этики этого трактата.

Оба учителя Крузия разделяли взгляды Хр. Томазия; Хоффман принадлежал к представителям так называемой эклектической философии, Рюдигер же был противником вольфианской философии (см.: [Жучков, 1996, 55]). При этом самого Крузия невозможно однозначно отнести к какой-то философской школе: хотя он и получал образование у последователей Томазия, Крузия приписывают к разным направлениям немецкой просвещенческой мысли (см.: [Крыштоп, 2020, 190]). Философскому творчеству Крузий посвятил относительно недолгое время, а затем связал свою жизнь с решением теологических вопросов (см.: [Крыштоп, 2018, 30–31]).

Крузий зачастую упоминается только в связи с критикой вольфианской формулировки закона достаточного основания; на русском языке до сих пор не представлено переводов его сочинений¹. Такое забвение представляется несправедливым: значимость фигуры Крузия раскрывается, например, при рассмотрении его этического учения, можно выделить ряд положений, роднящих моральную философию Крузия с кантовской. Изучение основной этической работы – «Руководства к разумной жизни» – дало бы почву для более подробного сопоставления моральных систем обоих философов². Сочинение

¹ На русском языке не так много монографических исследований о Крузии (см.: [Жучков, 1996; Круглов, 2008; Васильев, 2010; Крыштоп, 2020]).

² Современный российский исследователь Л.Э. Крыштоп приходит к выводу о том, на данный момент трудно сделать однозначный вывод о влиянии Крузия на Канта, поскольку

состоит из пяти разделов, каждый из которых представляет собой рассуждение о наиболее важных частях практической философии в широком смысле: телематологии, развивающей идеи Хоффмана, собственно этике, моральной теологии, естественном праве и учении о благоразумии. За исключением телематологии, каждая часть связана с определенным родом долга, который зависит от того, по отношению к кому предписывается обязательство. Раздел «Этика» состоит из семи глав, рассматривающих суть добродетели, конечную цель человеческой жизни, добродетельное состояние ума, понятие морального зла, средства борьбы с ним и ближайшие цели человека.

Центральным в крузианской этике является соотношение воли (*Wille*) и разума (*Vernunft*), в котором воля главенствует. Разум только представляет свой объект, окончательное же решение о реализации принимает воля, поскольку она располагает свободой действия. Воля не просто отличная от разума способность, но господствующая сила. Однако именно рассудок (*Verstand*) является ее основой. Разум есть такая степень совершенства рассудка, при которой он способен отличать и сознавать истину, соотносить цели и средства (см.: [Crusius, 1767, 322–323]). Рассудок предлагает воле образец для совершаемого поступка и делает его возможным. Сама же по себе воля есть слепая сила. Таким образом, свобода (*Freiheit*) у Крузия не является ни строго предопределенной, ни совершенно произвольной (см.: [Ciafardone, 1982, 133]). Рассудок и воля должны слаженно работать для достижения человеком добродетели (*Tugend*) как конечной цели (*Endzweck*), а затем – и счастья (*Glückseligkeit*). Обе способности испорчены в результате грехопадения, а потому, чтобы быть моральным, человек должен следовать предписанному Богом закону, исполнять его с соответствующим внутренним настроем или замыслом (*Vorsatz*) (см.: [Крыштоп, 2018, 30]). При этом проводником божественных предписаний является Откровение. Необходимо обуздать чувственные устремления (*Begierden*) воли посредством свободы (см.: [Crusius, 1767, 330]), а в душе (*Seele*) установить господство разумных устремлений над животными [*Ibid.*, 340–341]. Такое отношение подчинения (*Subordination*) чувственности конечной цели может быть или позитивным (когда одна конечная цель рассматривается как средство другой), или негативным (когда одна конечная цель не препятствует другой). Первое касается заповеданного (*gebottenen*), второе – дозволенного (*erlaubten*) [*Ibid.*, 330]. При этом мы должны либо желать какой-то объект, либо отвращаться от него в зависимости от доли в нем истинного блага (*Güte*) и зла (*Böse*). Зло существует тогда, когда чувственность, будучи необузданной, превращается в страсть. Чувственность до тех пор пребывает в естественном состоянии, пока желает свой объект как конечную цель ради нее самой. Такое стремление еще нельзя назвать несовершенством, оно соответствует природе разумного существа. Несовершенство было бы в случае, если бы мы постоянно находились в подобном животном состоянии. Тогда наша душа была бы увлечена случайными вещами, а послушание Богу вообще исключалось.

при наличии явных сходств мы наблюдаем некоторое число принципиальных отличий (см.: [Крыштоп, 2018, 39; Крыштоп, 2019, 42]).

В этике Крузия Бог предстает как единственный источник истины, способный определить и указать верные пути к подлинному счастью и заглянуть в самое сердце человека. Будучи благим и желая своим творениям счастья, Бог направляет их к совершенству (Vollkommenheit), но также требует полного послушания (Gehorsam) его воле. Моральность человека определяется в той мере, в какой он готов следовать божественному закону (Gesetz), который и выражает волю Творца. Такой акт приведения собственных устремлений в соответствие с волею Бога и есть добродетель.

При общем знакомстве с моральными изысканиями Крузия мы встречаем ряд схожих с кантовскими положений. Например, различение правил благоразумия и морального закона, указание на важность искреннего намерения следовать этому закону, разделение добродетели на формальную и материальную составляющие, классификация блага (удовольствия) по принципу подлинности (физические и моральные блага/удовольствия у Крузия и Канта, соответственно), исключение корыстных мотивов в сфере этики. Само по себе послушание есть только неопределенная обязанность и форма добродетели. Высшая материя добродетели у Крузия – это любовь Бога. Эта форма вместе с материей составляет определяющую сущность добродетели. Любовь к Богу делает послушание желанным. Вместе с этим послушание делает любовь к Богу подлинной добродетелью. Кант полагает в качестве формы добродетели осознанное следование моральному закону, материи же – цель поступка. Таким образом, в отношении формы мы видим почти идентичную позицию с той лишь разницей, что исходит она из разных источников. Внешне добрый поступок сам по себе ничего не значит ни у Канта, ни у Крузия. Важно осознанное и целенаправленное, каждый раз вновь переживаемое стремление приводить в исполнение требование высшего закона.

У обоих мыслителей счастье занимает вторичное положение по отношению к добродетели. Для Канта добродетельное поведение сопрягается с надеждой на счастье, но не может определяться ею. То же касается ситуации, в которой кто-то исполняет предписание из страха возмездия. Нечто подобное мы встречаем и у Крузия. Страх и надежда сами по себе не плохи, они даже полезны как дополнительные средства, стимулирующие желание быть послушным Богу, но ни в коем случае не должны становиться основным мотивом.

Вместе с тем стоит отметить и важные отличия двух этических систем. Если у Крузия моральный закон дается Богом, то у Канта он исходит из разума, хотя это отличие стирается, если мы примем во внимание постулаты практического разума (см.: [Крыштоп, 2019, 39]). Нарушение морального предписания у Канта далеко не всегда влечет за собой наказание³, а его соблюдение – какую-либо награду, тогда как у Крузия всякое действие неизбежно порождает следствие, которое выражается либо в естественном⁴ наказании,

³ Этим сфера морали принципиально отличается у Канта от права, что особенно отчетливо выражено в его «Метафизике нравов».

⁴ То есть таком, которое непосредственно следует из природы того или иного предмета (в частности, человека) и/или из тех связей, в которых вещи состоят друг с другом в соответствии с божественным предписанием.

либо в таком же вознаграждении. Однако если по каким-то причинам такое следствие не наступает, в ход вещей вмешивается Бог, внося произвольные награды и наказания: если не в этой жизни, то обязательно в жизни иной. По Канту же у человека может быть только надежда на вознаграждение, но не полная уверенность. Еще одним важным отличием является отношение к намерению, форме и материи добродетели. Для Канта самым наличием добродетельного намерения мы уже исполняем моральный закон. Для Крузия же добродетели нет ни при отсутствии должного намерения, ни при отсутствии самого поступка. Более того, даже если один или несколько поступков полностью добродетельны, это еще не делает человека моральным, поскольку для соблюдения добродетели необходимо моральное соответствие всей жизни божественному закону, то есть добродетельными должны быть все поступки без исключения.

Кантовское стремление к совершенству, а именно, к непрестанному исполнению морального закона, максимальному очищению его от склонностей, есть регулятивное приближение к божественной святости. Общезначимое понятие счастья невозможно, поскольку счастье имеет индивидуальный характер и связано с опытом. Однако для Канта приоритетным было бы именно стремление к совершенству, а при исполнении морального предписания счастьем иногда необходимо пожертвовать. Для Крузия счастье и совершенство, по сути, подразумевают одно и то же. Совершенство есть такое положение, при котором состояние человека соответствует его целям, а потому для совершенства необходимо, чтобы все желания индивида исполнились. Счастье же достигается тогда, когда все наши желания осуществляются, принося удовольствие и чувство уверенности. Таким образом, совершенство порождает счастье. Цель Бога состоит в соединении счастья и совершенства. Человек же является Его конечной целью: моральное совершенство человека есть конечная цель творения. Потому собственное благополучие мы должны желать не просто как средство для себя самих, но как высшую цель.

Christian August Crusius and His Ethics

Anastasia V. Povecherova

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovskii prospekt, Moscow, 119992, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-7217-7399

e-mail: anastasiapovecherova@gmail.com

Due to the enormous importance of Kantian ethics for the development of the entire Western European philosophy, it is worth asking about the origins of its formation. A possible answer to this question can be the entire German tradition preceding Kant in relation to theoretical and practical philosophical constructions, called the era of the German Enlightenment. Christian Augustus Crusius, one of the brightest philosophers of this time, has long been considered by researchers as a probable source of many later characteristic features of Kant's moral philosophy. However, there are still very few works devoted to the work of this thinker. In addition, almost all of them are aimed at his polemic with Christian Wolf regarding

the law of sufficient reason. Crusius himself is also considered in conjunction with other thinkers of the era of the German Enlightenment. There are practically no detailed studies of moral teaching at all. This state of affairs indicates the undeserved oblivion of Crusius, which is expressed, among other things, in the absence of translations of Crusius into Russian. The article, prefixed to the translation of an important chapter from the treatise on ethics, examines the main features of Crusius' practical philosophy, highlights common aspects of Crusian and Kantian ethics based on the analysis of the texts of both philosophers and the similarity of some basic terms, and makes assumptions about the influence. The reasoning is based on the concept of virtue, which both Crusius and Kant accept as central. In addition, the stages in the formation of the ethics of Crusius himself are briefly revealed, the differences from Crusius that allowed Kant to develop his own moral teaching are indicated.

Keywords: Chr. A. Crusius, ethics, virtue, morality, German Enlightenment, I. Kant

Литература / References

- Васильев В.В. *Философская психология в эпоху Просвещения*. М.: Канон+, 2010.
 Vasilyev, V.V. *Filosofskaya psikhologiya v epokhu Prosveshcheniya* [Philosophical Psychology in the Age of the Enlightenment]. Moscow: Kanon+ Publ., 2010. (In Russian)
- Жучков В.А. *Из истории немецкой философии XVIII в. Предклассический период. От вольфовской школы до раннего Канта*. М.: ИФ РАН, 1996.
 Zhuchkov, V.A. *Iz istorii nemetskoj filosofii XVIII v. Predklassicheskii period. Ot vol'fovskoj shkoly do rannego Kanta* [From the History of German Philosophy in the 18th Century. Pre-classical Period. From Wolffian School to Early Kant]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 1996. (In Russian)
- Круглов А.Н. *Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века*. М.: Феноменология-Герменевтика, 2008.
 Krouglov, A.N. *Tetens, Kant i diskussiya o metafizike v Germanii vtoroi poloviny XVIII veka* [Tetens, Kant and the Discussion of Metaphysics in Germany in the Second Half of the XVIII Century]. Moscow: Fenomenologiya-Germenevtika Publ., 2008. (In Russian)
- Крыштон Л.Э. *Божественный закон или категорический императив: о крузианских истоках кантовской морали // Кантовский сборник*. 2019. Т. 38. № 2. С. 31–44.
 Kryshpton, L.E. "Bozhestvennyi zakon ili kategoricheskii imperativ: o kruzianskikh istokakh kantovskoi morali" [God's Law or Categorical Imperative: on Crusian Issues of Kantian Morality], *Kantovskii sbornik*, 2019, Vol. 38, No. 2, pp. 31–44. (In Russian)
- Крыштон Л.Э. *Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта*. М.: Канон+, 2020.
 Kryshpton, L.E. *Moral' i religiya v filosofii nemetskogo Prosveshcheniya: ot Khr. Tomaziya do I. Kanta* [Morality and Religion in the Philosophy of the German Enlightenment]. Moscow: Kanon+ Publ., 2020. (In Russian)
- Крыштон Л.Э. *Моральное учение Христиана Августа Крузия // Этич. Мысль / Ethical Thought*. 2018. Т. 18. № 1. С. 30–42.
 Kryshpton, L.E. "Moral'noe uchenie Khristiana Avgusta Kruziya" [Moral Doctrine of Christian August Crusius], *Ehticheskaya Mysl' / Ethical Thought*, 2018, Vol. 18, No. 1, pp. 30–42. (In Russian)
- Crusius, Chr. A. *Anweisung vernünftig zu leben*. Leipzig: J.F. Gleditsch, 1767.
 Ciafardone, R. "Über das Primat der praktischen Vernunft vor der theoretischen bei Thomasius und Crusius in Beziehung auf Kant", *Studia Leibnitiana*, 1982, Bd. 14, S. 127–135.